

18+

РИНА ДРОНОВА

ГРЕЧЕСКИЕ КОРНИ

Ирина Дронова
Греческие корни

«Издательские решения»

Дронова И.

Греческие корни / И. Дронова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510115-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Домики, в котором я родилась, там, у реки, казался маленьким, заспанным, уставшим от векового существования. Наверное, я попала в него чисто случайно, по какой-то ошибке вселенной, и где-то на земле есть иной мир, идеально подходящий именно для меня... Я искала знаки, я ждала слово. И однажды это слово прозвучало: «Греция». Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-00-510115-0

© Дронова И.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	8
III	11
IV	13
V	20
VI	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Греческие корни

Ирина Дронова

*Живите там, где Бог привёл,
и ничего не затевайте другого.*

*Архимандрит
Иоанн Крестьянкин*

*Художник-график Анастасия Шумихина
Корректор Елена Кормильцева*

© Ирина Дронова, 2025

ISBN 978-5-0051-0115-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Моя прабабушка родилась в Греции. Правда, эту информацию я почерпнула из семейных хроник слишком поздно, чтобы узнать что-то наверняка – к тому времени расспрашивать подробности было уже не у кого. Старшие родственники в каком-то колене вспоминали рассказы своих предков о чужестранке Анисье, которую прадед привёз на родную Донщину после боевых походов. Они утверждали, что женщина была чернява, темноглаза и просто красива, но «точно не турчанка».

Вероятно, моим дядькам, а также двоюродным и троюродным сёстрам, что-то перепало от её необычной яркой внешности. Мне же повезло не очень: волосы потемнели лишь к 17 годам, глаза так и остались чайного цвета, а нос, который в точности соответствует профилю микенских женщин на старых греческих фресках, долгие годы был моим проклятием.

В детстве мне снились сны о Белом городе с колонами дворцов и куполами церквей, с мраморными лестницами, спускающимися к площадям. Мой дом был где-то там – такой же белый и изящный, как и другие. Я пыталась представить этот город в том месте, где жили мои родители. Поднималась по откосу возвышенности, с вершины которой открывалась невероятной красоты панорама. Отсюда было видно, что внизу, в долине, от древнего моря остались только барханы золотого песка, змейка-река, меловые заплатки на изумрудных склонах. Я бродила по идеальному плато, переходящему в лес, подолгу стояла на ровных каменных плитах, которые из-под слоя лёгкой, как пух, почвы, выдувал ветер.

Домик, в котором я родилась, там, у реки, казался маленьким, заспанным, уставшим от векового существования. Наверное, я попала в него чисто случайно, по какой-то ошибке вселенной, и где-то на земле есть иной мир, идеально подходящий именно для меня... Я искала знаки, я ждала слово. И однажды это слово прозвучало: «Греция».

Моя сущность, переместившись на греческую землю, сама собой превратилась в подобие локатора, чутко улавливающего любые ощущения. Я примеряла на себя вкусы, запахи, звуки, отсеивала одну картинку за другой, пытаюсь поймать ту волну, которая накатывает на тебя всякий раз, когда ты возвращаешься на родину после долгой разлуки. Этот процесс захватил меня настолько, что я вспомнила многие вроде бы забытые вещи.

Однажды вечером музыка подкинула меня к звёздному небу, а потом плавно приземлила в круг танцующих греков. Моё сердце трепетало от радости, потому что не существовало ничего, кроме этой мелодии, позволяющей выйти за свои пределы. Что-то цепляло так откровенно, так настойчиво, будто забытый сон пытался пробиться через несколько слоёв подсознания. И вдруг картинки прошлого всплыли с отчётливой ясностью.

Моя бабушка уже давно не встаёт с кровати и иногда ругает нас за громкую музыку. Но тут она просит:

– А поставьте-ка «Опа, опа!».

Я радуюсь – моя любимая! Даже слова непонятные выучила наизусть: «Опа, опа та бузукья, опа ке о багламас...». Перебираю конверты с пластинками: вот они, греческие песни!

Где же теперь этот никому не нужный винил? Может, мой брат запустил его в далёкий невозвратный полёт? Он уверял, что старые пластинки хорошо летают.

Видения из прошлого не торопились прощаться со мной и позже. Вот я стою у новогодней ёлки, клянчу у мамы стеклянную игрушку – тёмно-синюю сову с серебристыми крылышками. Мама непреклонна:

– Разобьёшь!

Что я собиралась с нею делать? Запеленать? Смастерить ей гнездо? Я улыбаюсь той наивной девчоночке из далёких лет и верчу в руках очередную сувенирную глазастую птичку –

купить или не купить? Когда дома собралась приличная коллекция разных сов, я узнала, что по греческому гороскопу мне покровительствует Афина со своей верной спутницей совой.

Копнув глубже, я поняла что типаж «женщина-Афина» в чём-то мне близок. Однозначно – папина дочка, сующая свой нос не только в чужие книги, но и в чисто мужские дела: строгать, пилить, сверлить. Постоянная учёба – сколько ни учусь, всё мало. Безупречный внешний вид – аккуратная причёска, дорогие и стильные наряды, никаких там бантиков и рюшечек. Украшения – лучше ничего, чем перебор, тут сто раз примеришь. Мужчины – да, всегда выбирала сама, правда, об этом мало кто догадывался. Если разворачивалась битва на любом поле брани, я забывала, что такое нравственно и безнравственно, честно или нечестно.

Со второй спутницей Афины, змеёй, у меня отношения не такие тёплые, но осязаемые – отметка от её укуса на лодыжке продержалась недолго, но зато навсегда врезалась в память. В тот год я прославилась на всю округу, потому что люди не помнили, чтобы кто-то когда-то пострадал от гадюк. Потом я натыкалась на них не раз. И однажды даже убила змеиного детёныша, разрубив его тяпкой на две части. До сих пор помню, как выкопала две ямки и закопала их по отдельности. Наверное, думала, что они могут срастись. Поступок, о котором сожалею по сей день, потому что погубила невинную тварь. И однажды старая ворожея сказала мне, что в этом есть знак – моя жизнь расколется пополам. Я допытывалась, что это значит.

– Увидишь, – ответила она и больше не добавила ничего.

II

– Отныне и навсегда греческое имя твоё...

– Пенелопа...

– Пенелопа! – выкрикнул вслед за мной длинноволосый грек, где-то ударил барабан, и все дружно заплодировали. Мужчина пристально посмотрел мне в глаза и накинул через голову сине-белую ленточку с какой-то медалью. Следовавшая за ним девочка бросила мне под ноги горсть засушенных лепестков роз, перемешанных с семенами. Моя правая рука на груди заметно дрожала. Честно говоря, я ещё мало осознавала, что произошло.

Мой взгляд выхватывал из общей картины то одну деталь, то другую: алтарь, наковальня, бронзовая голова божества, дымящиеся в чаше зелёные ветки, фреска с изображением солнца... Женщина в древнегреческом одеянии обходила людей, стоящих полукругом на лесной поляне, произносила по-гречески одну и ту же фразу, спрашивала и повторяла имена. Всё это очень походило на крестины в храме, поэтому я и решилась «узаконить» то имя, которое придумала уже давно – Пенелопа.

Выбрала я его не потому, что восторгалась добродетелями верной жены Одиссея или красотой Пенелопы Круз, хотя они того и достойны. У моей Пенелопы совсем другая история. Как-то я более внимательно прочитала житие святой Ирины Македонской, в честь которой меня собственно и нарекли родители, и сделала для себя маленькое открытие: оказывается, византийскую царицу, пострадавшую за веру в Иисуса Христа, на самом деле звали Пенелопа. Имя Ирина (по-гречески – Ирини, что значит мир) ей дал Святой Дух, который сказал, что она будет нести мир людям. Так что имена Ирина и Пенелопа в моём сознании не имели разницы.

Мой брат всячески отговаривал меня от этого шага:

– Смотри, тут одни греки. Сейчас выгонят тебя, опозоришься.

Вообще-то я позориться не люблю. Но иногда мной движет нечто свыше, и тогда робость сменяется чрезмерной смелостью. Я сделала шаг, и мир не перевернулся. Никто не смеялся и не смотрел косо. С другими новонаречёнными я прошла несколько кругов вокруг алтаря, довольно взирая на далёкие пики Олимпа.

Потом, пока мы пили красное вино, ели пирог, ко мне подходили какие-то люди, спрашивали, откуда я, поздравляли, хвалили за выбранное имя. Я отвечала, улыбалась, но не выпускала из вида человека в красном хитоне, который всё время притягивал моё внимание. Его облик и взгляд выдавали личность непростую, незаурядную. Казалось, он, скромно стоя в стороне, лишь наблюдает за действием, которое сам же и режиссировал.

– Кто это? – наконец спросила я у молодой девушки в белом греческом платье.

От неё я узнала, что это был основатель движения поклонников культа Прометея Трифон Олимпийский, профессор университета Стокгольма.

– Будешь теперь огнепоклонницей? – похихикивал брат, пока мы, минуя палаточный город и лавки с греческими сувенирами, спускались к своей машине.

– А если и так?

– А ты знаешь, что они считают, будто людей создал Прометей, а не Бог?

– Это же миф... В то время, когда жил Прометей, было возможно вылепить человека из глины и вдохнуть в него жизнь. Потом появились другие творцы и стали делать людей по-другому.

Брат рассмеялся:

– Я знаю только один способ, как их делать.

– Ну вот и сделал бы хотя бы одного!

– Надо подумать, Пенелопа, надо подумать! А ты, главное, не доходи до фанатизма, а то мало ли...

Я фыркнула неодобрительно:

– Достаточно того, что я фанатка Греции.

Да, Греция. Ради неё я забыла Париж, перестала восхищаться Римом, вычеркнула из списка любимых городов Бангкок. В какой-то момент всё начало меняться так резко, что теперь жизнь действительно, как и предсказывала старая ворожея, разделилась на две части – до и после Греции. Мой младший брат Андрей очень легко обзавёлся новыми контактами в риелторском бизнесе и теперь круглый год курсировал между Москвой и Салониками, что оправдывало и мои частые поездки в любимую Элладу. Пока он занимался сделками, я открывала новые места, делала фотографии, писала для сайта о Греции. На этом отрезке времени, занявшем года два, я поняла, что Москва – это не для меня, мой недолгий брак затрещал по швам и благополучно закончился желанным свидетельством о разводе.

«Слава Богу, что детей не нажили, – почти безучастно прокомментировала известие мама. – Да ты и не родишь теперь, годы-то идут».

Я не стала ничего доказывать и в свои сорок пять с хвостиком упорно пыталась найти свой путь. Правда, мои отношения с Грецией напоминали мне отношения с женщиной, который не отвечает на любовь взаимностью – чем больше я старалась ей понравиться, тем меньше ей это было надо. Я наивно полагала, что частичка генов всё-таки возьмёт своё, что я с лёгкостью уловлю мелодию греческого языка, с лёгкостью научусь танцевать греческие танцы, с лёгкостью постигну все тонкости греческой души. Но ничего не получалось. Время от времени я теряла веру в свои силы и в полной растерянности наблюдала, как в этом преуспевают другие. Может быть, люди, далёкие от Греции и, в общем-то, от любви к ней, не придавали так много значения тому, что делали, и просто получали удовольствие. Я же свою любовь практически возвела в культ и не придавала значения жизни вне Греции. Но когда я была с нею, мне казалось, что она нарочно отталкивает меня, преднамеренно причиняет боль. Мне всё время казалось, что нужно что-то делать, иначе жизнь промчится мимо: то пыталась повторить судьбу гида из фильма «Моё большое греческое лето», то уходила в подмастерье к художникам, то бралась за написание статей и рассказов о Греции. В конце концов появился авантюрный план по изданию газеты на русском языке.

Мы с Олей сидели на зелёно-жёлтой лужайке, в тени Белой башни, обложившись по кругу свежими типографскими оттисками новой газеты. С залива дул свежий ветерок, так что было вполне комфортно. К счастью, нас никто не привязывал к кабинету, в котором из-за проблем с арендатором уже отключили электричество, и кондиционер всё равно не работал. Газета называлась «Салоники град», и на первой странице мы поместили, конечно же, её, Белую башню. Белую? Я скользила по ней взглядом снизу вверх, сверху вниз... Когда на побелённые стены деревенского дома обрушивается ливень, то после остаётся именно такой вот цвет – цвет буйволовой кожи.

Оля не давала мне сосредоточиться на текстах. Мы то и дело отвлекались на бабские разговоры о мужчинах и неудавшихся романах. Она переехала в Грецию из Украины, зацепилась, выучила греческий и даже работала на телевидении. Я не решалась спросить её об отношениях с Сашей. Она представила его как компаньона и хорошего друга. Но по каким-то разговорам и замечаниям я понимала, что это совсем не так. Особенно меня обескуражила её фраза при Сашинем появлении: «Сколько раз тебе говорить, не надевай больше эту рубашку!».

Потихоньку подробности их прошлого и настоящего просачивались в нашу общую действительность и становились более-менее понятными. Это был тот случай, когда мужчина и женщина не могли быть ни вместе, ни врозь. Некогда скрепив свою восторженную юношескую любовь кровью, сочившейся из двух ранок, они стали практически как брат и сестра – голубоглазая, русоволосая украинка и жгучий брюнет с греческими корнями из Цалки. Со временем каждый находил себе вторую половинку, но эта половинка, как правило, не проходила

испытания дружбой между бывшими возлюбленными. Пары распались, Оля и Саша по-прежнему были вместе.

Получалось так, что я, втиснувшись в этот союз по воле случая, стала поверенным лицом для каждого из них. И иногда Сашина откровенность превосходила Олину. Если Оля на очередной встрече шепнула мне, что сейчас у неё проблемы со здоровьем, мол, только что из гинекологии, то Саша не оставил места для догадок: «У нас мог родиться ребёнок, но случился выкидыш». Саша очень хотел детей и семью.

А вот их попытки выудить что-то личное у меня ни к чему не приводили. Лишь однажды я полусхваченная обмолвилась, что влюбилась. Оля посмотрела на меня с подозрением, а Саша так, будто знал в кого. На самом деле Саша мне нравился, и я могла бы в него влюбиться при наличии взаимного притяжения. Но, как мне казалось, мы были в ситуации, схожей со стихами «... мне нравится, что я больна не вами». Но даже этот намёк на «ничто» так и остался намёком, интригой. В общем, «с этого места поподробнее» было прервано чем-то более важным, уж не помню чем. И после я была рада, что не проболталась. Может быть, потому, что не хотела признаться даже самой себе – я дорожила дружбой с Сашей больше, чем любыми новыми отношениями.

III

Я думала о том, что первая встреча с этим мужчиной Икс точно не была подстроена свыше. Всё было обычно. Брат ждал коллегу для подписания каких-то договоров и просто попросил поприсутствовать и меня. Одеваясь во всё голубое, под цвет моря, я представляла, какое впечатление произведу на этого незнакомого мужчину, и слегка волновалась, заранее вкладывая в новое знакомство нечто особенное. Но внутри я сама на себя злилась: «Прямо как девушка перед смотрящими!»

Я вошла в бар у бассейна уверенной походкой, с дежурной улыбкой, но, увидев перед собой высокого красивого мужчину, неловко споткнулась и едва не упала в его объятия.

– Осторожно! – смущённо сказал он, машинально подавшись вперёд.

Но помощь не потребовалась. Я первой протянула руку:

– Пенелопа.

– Очень приятно, Одиссей.

– Я на самом деле Пенелопа. По-гречески.

– Если уж по-гречески, то – Пинелопи, на «о» ударение.

– Ну я ж с вами говорю по-русски, – начала злиться я. – Не называть же мне вас Одиссеа!

– Почему бы нет?

– Как-то коряво звучит.

– Зови меня Одя. Так нравится? – он продемонстрировал свои ровные и ослепительно белые зубы.

– Сойдёт и Одиссей. Привычнее, – мрачно подытожила я.

Всё это время брат, перелистывающий бумаги, посматривал на нас с ухмылкой и наконец спросил:

– Что будете пить?

Официантка принесла фрапе и греческий кофе. Пока мужчины разговаривали о делах, я гоняла льдинки по краю высокого стакана, не спеша тянула свой любимый напиток из розовой трубочки и почти открыто рассматривала нового знакомого. Светлые кудрявые волосы, отнюдь не греческий нос, голубые глаза. Типичный дориец. Уж теперь-то я не заблуждалась насчёт того, как должны выглядеть настоящие греки. В ком-то из них был виден след низкорослых и черноглазых ахейцев, а в ком-то угадывались черты гомеровских светлокудрых героев.

Все они были по-своему притягательны и влекли меня своей необычностью. Но и с ними, знойными сынами Эллады, мои отношения не складывались. С каждой остановки я убегала в своё одиночество, единственное верное убежище. И там, устроив себе очередное судилище, вновь пыталась найти силы, чтобы верить и искать. Да, искать, не ждать! Ибо ждать я не умела. Я не искала мужчину на всю жизнь. Я искала мужчину на жизнь любви в Греции. Мне казалось, только обретя такую любовь, я достигну той гармонии, в которой нуждалась на чужбине.

Однако Одиссей форсировал события и уже через месяц сделал мне предложение. Я не была уверена, что это правильный шаг, но всё-таки приняла правильное колечко с правильным бриллиантом.

– Не переживай, до свадьбы, может, не дойдёт ещё несколько лет, а может, и никогда, – вместо поздравления отвесил мне брат, когда мы остались одни на кухне. – Застолбил мужик бабу, чтобы другие не позарились.

Он оторвал взгляд от тарелки, чтобы проверить мою реакцию.

– Ах ты гадёныш! – беззлобно выкрикнула я и плеснула в него водой из стакана.

– Ты, глупая женщина! Что творишь!

Смахнул воду с лица и продолжил свою трапезу как ни в чём не бывало:

– Давай, готовься быть послушной женой-гречанкой!

– Не дождётеесь! Ты думаешь мне именно это и надо?

– Мне надо. Пристрою тебя, чтобы отвязалась!

Теперь я схватилась за полотенце:

– Ну, ничего, сейчас я тебя вытру хорошенько!

Я гонялась за ним вокруг стола и едва дотягивалась, чтобы хлестнуть побольнее.

– А Санторини? – остановил меня брат магическим словом.

– Что – Санторини? – я бросила полотенце на край стола.

– Ты же хотела там пожить, вот и поживёте. У Одиссея в Тире родственники, кажется, тётя, а у меня к тебе поручение – поработаешь там с моими партнёрами.

– Не-е-е... Я твоими делами заниматься не буду, сам поезжай. К тому же у нас газета.

– Вы свою газету будете делать до следующего года, помяни моё слово! Это ж греки!

И какие проблемы? Есть интернет.

– А ты не можешь по интернету решать свои дела?

– Вот я как раз не могу. Ты мне там нужна.

– Ну, хорошо. Надо подумать, как всё устроить.

– Это не ты будешь думать, дурочка, а твой жених. Что за привычка брать на себя лишнее!

– Я о своей работе говорю. А о Санторини пусть он думает, я не против.

Так в мою жизнь не вошёл, а врезался остров моей мечты. Сотрясение, цунами чувств и ещё одна маленькая смерть.

IV

Вечер приближался. В шесть я уже точно решила, что напишу: «Привет! Это была ошибка, что я дала тебе свой телефон. Я не знаю почему. Я не могу с тобой встретиться». Отправила. После этого я задумалась. А ведь я ничего не знаю о нём! Женат ли он? Сколько ему лет? Наваждение ...Безрассудство.... Неужели я совершенно не умею управлять своими чувствами и мимолётными порывами?

Часы шли, но никакого ответа не последовало. И только после девяти вечера посыпались сообщения с одним словом: «Эла!», что в данном случае означало: «Ну, давай, выходи!» Я не ответила.

В четыре утра меня разбудило новое сообщение с пожеланием хорошего дня. За окном ещё было темно, спать хотелось нестерпимо. «Придурок!» – выругалась я, но маленькая частичка сердца встрепенулась от радости. Хорошо он сделал или плохо, но я не могла не думать о нём. Всё утро, весь день. Прокручивала в голове то небольшое, что связывало с ним, но чувства не поддавались никакому анализу. Кому-то рассказать? С кем-то поделиться? Не с кем. Кто меня поймёт? Оля? Саша? Мы не настолько близки. Брат, который недавно познакомил меня со своим надёжным преуспевающим другом в твёрдой уверенности, что практически устроил мою судьбу? Только не он.

От отчаяния я стала заглядывать в гороскопы. И мне казалось, что им следовало бы верить. «Будьте осмотрительны, из-за мимолётного увлечения вы можете потерять того человека, который вас действительно ценит». И всё в этом же духе.

Вечером я взяла бокал вина, устроилась в кресле на балконе. Идеальная завораживающая картина заходящего над кальдерой солнца щемила сердце. Видеть такую красоту и быть в полном одиночестве нестерпимо. Телефон лежал рядом. Можно представить, как в такие минуты злят несвоевременные сообщения оператора связи о какой-нибудь новой услуге или сообщения друзей, которые некстати вспомнили о твоём существовании. И самое ужасное: от него – ни-че-го!

Я вернулась к холодильнику, налила ещё бокал вина. И вдруг: «Я приду к тебе сегодня?» Радость, трепет, тревога. Но ответила: «Думаешь, что говоришь?» – «Да». – «Тебе нужна другая женщина». – «Я не хочу другую. Мне нравишься ты». – «Хорошо. Но я предпочитаю более безопасное место для встречи». Действительно, не могла же я встречаться с женщиной на глазах у родственников своего жениха, которые работали в соседней таверне и содержали этот семейный отель! «Тогда у меня дома?» – пришло очередное сообщение. Да уж, шутник! «Ок», – ответила я, чтобы отделаться.

Когда мы встретились, он жестом показал, чтобы я шла за ним, открыл калитку. Я замерла на месте, поняв, что это – вовсе не шутка. Надо же, такое совпадение, живём почти что рядом.

– Эла! – обернулся он.

– Ох, нет! – шепотом сказала я и, резко развернувшись, пошла, нет, почти побежала в сторону своего отеля. Мне казалось, что на меня смотрят из открытых окон домов, из ещё работающей таверны. В номере я вздохнула с облегчением – не наделала глупостей, какая молодец. Сходила в душ, перед зеркалом полюбовалась своим золотистым загаром, обновила его миндальным молочком и с облегчением забралась в кровать.

На следующий день я уехала загорать в укромную бухточку Комари, где обычно бывают только местные. Собраться с мыслями не получалось. Я пыталась читать, но никак не могла найти удобную для этого позу: то солнце слепило глаза, то затекала шея, то ломило локти. В конце концов я прикрыла лицо косынкой и осталась лежать на спине.

– Ирени!

Я невольно вздрогнула и приподнялась на голос. Но звали не меня. Встретились две подружки, защебетали на греческом, активно жестикулируя руками. Я опять закрылась от солнца, заметив однако, что девушки с любопытством посмотрели в мою сторону. Минут через пятнадцать я не выдержала, пошла к морю. Ещё никогда вода не была такой тёплой, такой нежной. Она скользила по мне легко, как шёлк, подталкивала всё дальше и дальше. Я плыла и не могла остановиться, пока не испугалась этому неуправляемому стремлению к горизонту.

В небе появился нечёткий птичий треугольник. Перевернувшись на спину, я наблюдала, как одна из птиц выбилась из общей линии, пыталась исправить положение, но потом оставила эти попытки и полетела в противоположную сторону. Одна.

Моё настроение резко изменилось. У берега я вдруг заметила, как мужчины и женщины возятся и играют со своими детьми, как они ведут какие-то беседы, ссорятся, смеются, кому-то звонят, кому-то отвечают на звонки. Одиночество, в котором я всегда находила утешение, вдруг придавило меня невидимым грузом.

Я вернулась под пляжный зонтик и почувствовала себя более защищённой. Казалось бы, совсем маленькое личное пространство, однако я уже не раз убеждалась, что без крыши над головой ощущаешь себя улиткой, лишённой домика. Достала телефон, проверила звонки и сообщения. Ничего. Хотела было снова взять книгу, но вдруг услышала на греческом:

– Тебя тоже зовут Ирини?

Рядом стояла та самая девушка, которую окликнула подружка. Теперь она снова была одна.

– Да, – улыбнулась я и сняла очки.

Потом, как всегда, последовал каскад вопросов: откуда? почему учишь греческий? нравится ли остров?

Наконец и мне удалось вклиниться тоже:

– А ты здесь живёшь?

– Да, родилась тут. И бабушки, прабабушки, все – Ирини.

– Наверное, гордятся, что живут на острове своего имени?

– Не думаю! – Ирини засмеялась, тряхнула копной тёмных кудрявых волос. – Привыкли, не считают это чем-то особенным. А некоторые и не знают, кто такая святая Ирини. Для нас остров как был, так и остался Тирой. Как Стамбул Константинополем.

– А у тебя красивые волосы, – с лёгкой завистью в голосе сказала я. – Здесь уже редко можно увидеть такие – только на древних фресках... Многие почему-то их осветляют, выпрямляют.

– Ах! – Ирини изобразила протестующий жест. – Я уже замучилась с такой причёской! Вот тебе как хорошо, никаких проблем, да?

– Это точно. Помыла, на ветру высушила и – вперёд!

– Ой! А я знаю, где ты живёшь! – Ирини присела на корточки и заглянула мне в глаза. – Я вспомнила, что видела, как ты выходила из отеля.

– Так ты тоже в Фире живёшь? Да, тут никуда ни от кого не скроешься, все всё про всех знают, – я опять надела очки.

– Когда приезжают новые люди, они всегда на виду. Все гадают: откуда, насколько прибыли, куда ходят, что покупают. Ну, а о своих уже давно всё известно. Хотя повод посудачить всегда найти можно. Уже знаешь об этой национальной особенности?

Ирини хитро прищурила кукольные глазки, помахала рукой знакомой семейной паре и, не дожидаясь моего ответа, по-свойски обняла меня за плечи:

– Эла! Идём, поплаваем!

– Я только что...

– Эла, эла!

И мне начинало нравиться это короткое слово, напоминающее по интонации наше «айда».

На следующий день я обедала в таверне, когда позвонила Ирины.

– Сейчас тоже подойду.

Мы заказали греческий салат, мидии в ракушках, маленькую жареную рыбку гаврос, по бокалу белого вина.

– Калимера!

Моё сердце будто кто-то дёрнул за невидимую вену.

– О, Коста! Как дела? Давно тебя не видела, – Ирины была явно обрадована. – Садись, садись! Это – тоже Ирины.

– Мы уже знакомы, – мужчина отодвинул стул рядом со мной.

Сидевшая напротив Ирины удивлённо вскинула чётко выведенные природой брови:

– Когда успели? А ты знаешь, Ирины, он – мой одноклассник, очень хороший, очень! Правда!

– Да-да! – хитро, почти по-мефистофельски, улыбнулся Костас.

– И у него уже трое детей! – продолжала Ирины. – Вот молодец-то! Костас, покажи-ка фотки, – и потянулась за его телефоном. – Они ещё в Праге? Отдыхают?

– Да, все у родителей жены, – с запинкой подтвердил Костас.

Мне казалось, что комок в моём горле застрял навечно, и я уже никогда не смогу вздохнуть.

Пока мы рассматривали малышей и выражали своё восхищение, Костас достал сигарету, закурил и, заглядывая в панель телефона, изредка комментировал: «А вот это – самый старший. А это мы на рыбалке. А это – малышка, куколка моя».

У Ирины зазвонил телефон. Извинившись, она отошла в сторону.

– У меня здесь встреча с другом, – сказал Костас, как бы оправдываясь.

– А, понятно! – ответила я, ковыряя вилкой салат. – Всё хорошо?

– Да, отлично! Увидимся сегодня?

Я опять не знала, что сказать, ибо была уверена, что после такого разоблачения тема дальнейших отношений уже закрыта.

– Се фело, хочу тебя, – тихо сказал он и посмотрел так, что мне стало не по себе.

– Что хочешь? Мидии? Очень вкусные, вот возьми самую большую! – я строила из себя плохо понимающую греческий.

Он оценил мою игру, но и мидию всё-таки съел.

– Когда? – спросил он пронизывающим шёпотом.

– В час ночи, – почему-то ответила я.

– Хорошо, увидимся, – Костас взял ручку, забытую официантом, и написал на бумажной скатерти: «орэа эси орэа – прекрасна ты прекрасна». Встал из-за стола и перешёл за дальний столик, не дождавись Ирины.

Я тщательно замалевала написанное и поставила сверху блюдо с салатом.

– Почему ушёл? – спросила она вернувшись.

– У него здесь встреча

– А... Знаешь, а вы ведь внешне похожи друг на друга, прямо как брат с сестрой.

– Правда? Не обратила внимания, – пожала плечами я и покосилась в сторону Костаса.

Может и похожи. Только потом, рассматривая его фотографии в «Фейсбуке»¹, я поняла, что это – копия моего папы в молодости. А все говорили, что я похожа на папу. Синдром похожести? Люди ищут себе подобных по интересам, взглядам... По внешности? Почему бы

¹ Здесь и далее: Facebook принадлежат Meta, чья деятельность признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

нет. Что тут за тайна – сказать сложно. Психологи вообще утверждают, что симпатия возникает в первые три секунды. Если это так, то я об этом сразу не догадалась.

– Как познакомились? – прервала мои мысли Ирины.

Как я могла рассказать ей правду?

В тот день я просто сидела на берегу, на старой лодке, делала наброски в небольшом блокноте для акварели. Он остановился в нескольких шагах, встретился с моим взглядом, подошёл, заговорил по-гречески.

– Привет!

– Привет!

– Ты откуда?

– Из России.

– Одна?

– Одна.

– Почему?

– Так...

У меня не было никакого желания вдаваться в подробности. Карандаш выскользнул из руки. Он поднял:

– Сломался. Художница?

– Нет. Журналист.

– О! Есть здесь знакомые?

– Да, есть, родственники.

– Надолго приехала?

– На две недели.

– Хочешь написать о рыбалке?

– О рыбалке? Да, это было бы интересно.

– Можешь дать свой телефон? Я подумаю, в какой день лучше всё устроить, и позвоню.

– А ты что, рыбак?

– Да, рыбак.

– Очень хорошо.

Потом я думала – далась мне эта рыбалка... Вернувшись домой, я схватилась за голову: «Что я наделала? Зачем я дала свой телефон? Какая рыбалка? Это же только предлог...»

Несколько дней я ходила к морю по другой улице и в другую сторону от пристани. Никаких звонков не было. Я почти что успокоилась. А вдруг я неправильно написала какую-то цифру в номере телефона? Хоть бы так и было!

Однако как-то в два часа ночи меня разбудило сообщение: «Калинихта!» Да уж, своевременное пожелание хорошей ночи, ничего не скажешь. Я не сомневалась, кому оно могло принадлежать, и практически до утра промучилась в тревожных метаниях. Что-то начинается... Да, бывает такое чувство, что что-то начинается. Но почему именно тогда, когда жизнь, казалось бы, выбрала правильную колею, когда на твоём пути уже появился достойный претендент с перспективами? Может быть, просто промолчать и ничего не будет?

Однако на следующий день я всё-таки подготовилась к нечаянной встрече. В первую очередь я открыла словарь и посмотрела, как по-гречески «догадываться» – этого слова я не знала. Предполагала, что при встрече он скажет:

– Это я послал тебе сообщение.

Я должна буду ответить:

– Догадалась. Я же не раздаю свой номер телефона направо и налево.

И хотя я по-прежнему обходила стороной место нашей встречи, но в этот день почему-то сделала лёгкий макияж и надела платье вместо порядком надоевших шортов и футболки.

На самом деле всё это подверглось анализу позже, а тогда я ни в чём не давала себе отчёта. Кажется, просто собиралась пообедать в таверне.

И мы не просто увидели друг друга, а столкнулись на перекрёстке: я в белом платье и он на белом мотоцикле. Может быть, три секунды, обещанные психологами для взаимной симпатии, каким-то образом реализовались только в этот миг? Не знаю. Но со мной что-то произошло. На пристани он был совсем другим: нежный, немного заискивающий взгляд, робкая улыбка. Здесь: небритое лицо, глаза за тёмными очками, шлем... Искуситель, знающий себе цену. Всегда думала, что мужчины слишком себе льстят, полагая, что трёхдневная щетина делает их сексуальными. А тут...

– Это я тебе послал ночью сообщение, – сказал он как по сценарию.

– Догадалась, я же не раздаю свой номер налево и направо.

Было ощущение, что меня прижали к стенке.

– Когда встретимся?

– Давай в девять вечера у той же лодки, – к своему ужасу ответила я.

– Хорошо, в девять.

– И захвати купальник.

– Да, ладно, – легко согласилась я и... пошла обедать.

Как я ни пыталась одолеть полпорции греческого салата и хотя бы для видимости съесть какую-то часть жареной рыбы, почти всё осталось целым.

– Не понравилось? – спросил официант почти обиженно.

Я виновато улыбнулась:

– Очень вкусно, но слишком много.

Да, всё так начиналось... И что теперь? Встретимся сегодня или не встретимся? Какая будет причина на сей раз?

– Так как вы познакомились? – ещё раз повторила Ирины.

– Сидела, рисовала. Он подошёл, спросил, откуда я. Как обычно. Любопытство.

– Мне кажется, ты ему понравилась.

– Скажешь тоже, – как можно искреннее отмахнулась я.

– Но ты здесь другая, необычная. Причёска... Хитоны, развевающиеся на ветру.

Не идёшь, а несёшь себя.

– Я? Не смейся меня! Такими, как я, все улицы запружены. И потом, у него семья, пусть детей растит. А я замуж выхожу, может быть, здесь свадьба будет!

– Свадьба? Ну это же замечательно. Жених – грек?

– Да, из Салоник.

– Почему же он отпустил тебя сюда одну?

– Он сейчас уехал в Россию, в командировку, что же мне в Салониках делать? Я его лучше здесь подожду. Здесь хорошо пишется. И брату помогаю, у него тут связи с риелторскими фирмами.

– Ну ты прямо деловая женщина! – Ирины посмотрела на меня с завистью деревенской девчонки.

– Да нет... Это так, мелочи.

– А брат? Он женат?

– Нет, нет!

– Познакомишь?

– Обязательно!

Вечером я опять сидела на балконе и ждала сообщений, ждала «Эла!». Думала о том, что нужно что-то придумать и никуда не ходить. Не могу же я врываться в чужую жизнь, когда уже всё знаю о его семье, о детях. Но даже в час ночи телефон безмолвствовал. Не было сообщений ни утром, ни на следующий день.

Ирины звонила пару раз, приглашала домой на чашку кофе. Но я благодарилась и отвечала: «Мета, мета, потом, Ирина!» Мне нужно было срочно написать несколько материалов для сайта и что-то для газеты. Я сидела под кондиционером, перепроверяла факты в интернете, искала нужную информацию. Пришлось зайти на греческие сайты, помучиться с переводами текстов. Работа отвлекала, и я уже почти переключилась на другую волну, как вдруг: «бряц!», новое сообщение: «Как дела?» «Плохо», – ответила я. А он даже не поинтересовался почему. Опять написал несколько сообщений о встрече и последнее: «Теперь лучше?» Значит, всё понимал? Догадался? Он предложил встретиться в полночь. Но когда часы показали 12, я написала: «Хочу спать». Я действительно хотела спать. Но если бы он стал звать настойчиво, как в первый раз, наверное, пошла бы. Он же написал: «Ок» и опять замолчал надолго. Теперь для меня время измерялось минутами и часами. До отъезда с Санторини оставалось несколько дней.

В конце концов я, не умеющая ждать, отослала ему вымученное сообщение сама: «Мы можем быть только друзьями?» – «Да, хорошо, если ты так хочешь». – «Давай послушаем море ночью». Странно, что он согласился на эту бредовую идею, которую я, если честно, позаимствовала у своей подруги.

Под ногами шуршала галька, полная луна высвечивала на тёмной воде огромный мерцающий лоскут. Волны шлёпали о берег почти неслышно.

– Только друзья? – спросила я, обернувшись.

Но он тут же обнял меня и прошептал:

– Только поцелуй, поцелуй...

В греческом разница между словами «друзья» и «поцелуй» практически только в ударении. От волнения я всё перепутала. Он легко касался губами моих щёк, шеи, обнаженных плеч. Что-то внутри ещё протестовало, отстранялось, но так слабо, что вкус его поцелуя положил этому конец. Я провела ладонью по его небритой щеке. Ночью у него было совсем другое лицо: во взгляде было что-то дикое, требовательное, глаза казались темнее и больше, нос тоньше, губы чувственнее. Его руки легко скользили по моему загорелому телу под свободной шелковой блузкой, и я чувствовала, как похудела за эти дни. Он и не думал слушать море. Тихо сказал:

– Едем ко мне домой.

– Нет-нет...

Мне и самой казалось, что я просто тяну время. Я присела на берегу. Волна удивлённо лизнула мне руку и испуганно отпрянула назад.

– Ты не любишь море? Надоело? – спросила я.

– Люблю, очень люблю.

– Возьмёшь меня на рыбалку?

– Да, конечно, я же обещал.

Он отошёл в сторону и стал смотреть на луну, будто чего-то ждал. Я обняла его руками сзади, прижалась к плечам, поцеловала шею.

– Едем ко мне домой, – более настойчиво сказал он.

Больше мне сбежать не удалось, а возможно, не хотелось. Я почти не запомнила комнату: какой-то хаос без всякого намёка на уют. Казалось, что сюда только что въехали или, наоборот, собираются съезжать. Кажется, была тихая музыка, но я не помню какая. Возвращаясь в мыслях к этому моменту, я понимала, что чувствовала себя так, будто выпила полбутылки вина. Что так подействовало? Свет свечей по всем полкам? Или их особый аромат? Или просто химия моего организма?

Нет, он не был в восторге от того, что произошло. Казалось, он искал во мне какое-то утешение, но так и не нашёл. Между слов обронил, что у него ничего нет, даже дома. Что-то другое, более серьёзное, чем наши отношения, угнетало его. Но я не могла понять, что именно.

– Теперь ты будешь думать обо мне плохо?

Зачем я задала этот глупый вопрос? Кто в таких случаях говорит правду? Вот и он ответил:

– Ну что ты, конечно нет.

Начал курить. Потом за столом, почти в полной темноте, что-то написал на клочке бумаги, поднёс его к свече, прочитал и протянул мне:

– Это – слова из песни.

Я посмотрела и положила в карман.

«Κι αν είσαι θάλασσα εγώ σ αγκάλιασα»... Если ты море, я тебя обнимал... Слова из шлягера того лета. Утром я нашла полный текст песни в интернете и уже не могла слушать её со спокойным сердцем.

Наверное, я знала, что больше мы не увидимся. Наверное, я знала, что больше не будет никаких сообщений. Хотя, что я хотела? По-моему, он был честен. Как-то, когда он ещё настойчиво требовал свидания, то написал: «Приходи, прошу тебя, хотя бы один раз!» – «И что потом?» – спросила я. – «Пафос», – ответил он.

Страсть, «пафос» по-гречески. Страсть... Я задумалась. Получалась какая-то нелепость. Страсть должна иметь продолжение, ей нужны новые и новые ощущения. Тогда почему «один раз»? И вдруг меня осенило. Я схватила словарь, стала его бешено листать в поисках нужного слова. Ну конечно! Пафос – это не только страсть, это – страдание! Страдание! Вот, что он имел в виду. Но зачем? Я пыталась найти ответ, но то, что его не было в моей голове, это точно. Гуляя по интернету, я наткнулась на подстрочник к названию книги одного известного писателя: «Боль неизбежна. Страдание – личный выбор каждого». Ничего, что эта была мантра марафонца. Разве наша жизнь не марафон? Так вот, возможно, только я тешила и лелеяла свою страсть, носилась с нею, как некоторые носятся с любимой болячкой, подпитывала её мыслями и сводящими с ума греческими песнями, а он в это время решил просто продолжить свой путь. С семьёй, с детьми, с рыбалкой. Мне не было места в списке его желаний, да и быть не могло.

День отъезда был так же прекрасен, как и все остальные. Проснувшись, я выглянула в небольшое оконце, обрамлённое синей рамой, и со словами: «Ой! А тут кораблик!» выскочила на террасу. Пристань за краем кальдеры, вылизанной ветрами и омытой дождём, рассмотреть было невозможно, и казалось, что белоснежный лайнер на моих глазах вот-вот врежется в утёс. Над этой громадиной ещё не прилепились белые домики и церкви с голубыми куполами, поэтому парочка орлов, сорвавшись с отвесной площадки, свободно и легко кружилась над водой, играя в первых лучах восходящего солнца. В плавных, игривых движениях птиц угадывался вечный танец любви.

«Да, я не могу проститься с тобой. Но я могу проститься с морем», – думала я и пошла к берегу, туда, где мы встретились впервые. Сняла шлёпанцы, зашла в воду. Из-под тёмных очков по щекам катились слёзы. Где-то вдалеке на волнах качалась рыбацкая лодка, стоящая на якоре. Прощай-прощай. Я развернулась, пошла босиком по тёплым камням, но потом вернулась, опять зашла в воду, присела на корточки, нежно провела рукой по воде. О Боже, дай мне силы переболеть всем этим! Пройдёт время, всё забудется. Набежит одна волна, другая. Не останется и следа.

V

Одиссей ничего не заметил. Он обнимал меня нежно и тихо шептал:

– Ты пахнешь морем и солнцем...

Я выскользнула из его объятий:

– Сварю кофе...

Брат знал меня лучше. Вечером, когда мы остались одни, взял меня за руки, посмотрел в глаза, понимающе выдохнул:

– Ну, давай, рассказывай.

Конечно, для него всё было понятно и очевидно. Чтобы как-то вывести меня из депрессии, он решил «подкинуть» мне другой остров – Скиатос, известный своим аристократизмом, природной красотой и нудистскими пляжами. Я же знала его лишь с одной стороны – литературной. Новеллы Пападиамантиса, пленившие меня несколько лет тому назад, теперь грозились войти в мою жизнь нереальной реальностью. И я согласилась вышибить клин клином. А по сути – остров островом.

Всё началось со старушки в чёрном. Она медленно поднималась вверх по лестнице, зажатой между белыми домиками с синими окошками. Я неслась ей навстречу, оставив позади смотровую площадку с часовней, откуда вся бухта с яхтами и кораблями как на ладони. Фото, ещё одно фото! Я никак не могла насытиться этими видами и останавливалась лишь на пару секунд, чтобы в очередной раз нажать кнопку «Никона».

– Ой, ой... не беспокойтесь! Я вам помогу! – бросилась я к старушке.

Пакет с яблоками порвался у самой калитки, и пожилая гречанка беспомощно захлопала руками, напоминая мне рассерженную ворону. Мой несовершенный греческий заставил её забыть о яблоках, которые весело запрыгали с одной ступеньки на другую. Пока я догоняла проворные плоды, бабушка не переставая бормотала слова благодарности, а потом, когда я сделала свою работу, пнула калитку ногой, коснулась моего плеча рукой, как бы подталкивая вперёд, и почти приказала: «Эла, эла!». Этот клич, обычно побуждающий к любому действию, на сей раз прозвучал как магическое заклинание. И я, конечно же, зашла. Да и кто бы отказался от такой возможности – свернуть с тропы, на которой ежедневно оставляют свои следы тысячи туристов, и ступить в мир сокровенно-греческого?

Через пять минут мы уже ели холодный красный арбуз, ибо пить кофе в такую жару не было никакого желания. Старушку звали Захарула. Конечно же, она родилась и выросла в этом домике и, похоронив своих родителей и мужа, осталась совсем одна. Правда, сын жил по соседству.

– А ты замужем, куколка моя? – осведомилась хозяйка.

Ох, чем мне нравится Греция, так это тем, что здесь можно оставаться куколкой, когда тебе далеко «за» и при этом не обладать внешностью идеальной красотки!

Получив утвердительный ответ, Захарула прихлопнула осу сложенным журналом, помолчала, перемалывая беззубыми челюстями сочную мякоть арбуза, а потом сказала расстроенным голосом:

– А мой сын не женат.

– Хм... На острове проблемы с невестами?

– Да девушек много, каждый год приезжают новые, вот мой сын и не может остепениться.

Но я не об этом говорю. Он может организовать здесь свадьбу что надо! Ты там расскажи своим подружкам.

После того как на острове сняли часть фильма «Мамма Мия», его жители открыли для себя новый вид бизнеса, связанный с проведением свадеб. Теперь я поняла, почему наше судно

причалило к берегу Скиатоса не под звуки какой-нибудь узнаваемой греческой мелодии, а под песенку «АББА».

– Конечно-конечно! Обязательно расскажу всем, где можно хорошо жениться и выйти замуж! – клятвенно пообещала я старушке, поглядывая на часы.

Мы тепло попрощались с Захарулой, которая напоследок дала мне два яблока и визитку с агентством сына. Шагая по узким улочкам, я напевала первую вспомнившуюся греческую песенку. Кажется, «Сико, хорепсе сиртаки...» – вставай, танцуй сиртаки... Попутно присматривалась, где же поуютнее пообедать? Наконец выбрала не очень шумную таверну с видом на бухту и заказала себе салат и креветки. Почему-то захотелось и пива. После каждой очищенной креветки я тщательно вытирала влажной салфеткой каждый палец и только после этого брала в руку запотевший стакан «Хайнекен». Похоже, этот ритуал весьма заинтриговал сидевшего за соседним столиком молодого человека, чей назойливый взгляд не могли скрыть даже тёмные солнцезащитные очки.

Я вдруг задумалась, прилично ли вот так откусывать и есть хрустящие жареные лапки или лучше оставить это приятное занятие до лучших времён? Наверняка со стороны это выглядело, мягко говоря, не очень эстетично. Хотя, какое мне собственно дело?

Когда трапеза была закончена, я попросила счёт на уверенном греческом. Однако официант сказал, что всё уже уплачено. Я перевела взгляд на незнакомца. Он, притворно извиняясь, развёл руки в стороны. Я отвесила небольшой поклон и поблагодарила достаточно громко: «Эвхаристо!».

Закинув сумку через плечо, взяла фотоаппарат и опять заспешила по ступенькам вниз, как вдруг услышала за спиной:

– Эла стин паралия!

Ну, конечно, поехали на пляж!

– А поехали! – полуобернувшись ответила я, продолжая отсчитывать ступеньку за ступенькой.

Он взял меня за руку:

– Остановись же!

Остановилась.

– Просто не спеши так.

Он поднял очки на лоб, и я увидела ослепительно голубые глаза, в которых плескалась тихая грусть.

– Меня зовут Михалис. А тебя?

– Ирини.

– Хорошо. Хорошее имя. Я рад.

Он всё ещё не отпускал мою руку, и теперь мы, как подростки, шли к причалу, выискивая нужные фразы для продолжения разговора.

Через некоторое время мы уже были в совершенно удивительном месте Кукунариес. Михалис рассказывал, что так называются растущие здесь хвойные деревья с еле уловимым запахом шоколада. Я пыталась его почувствовать, и, кажется, мне это удалось.

Море здесь было удивительно бирюзовое и безупречно прозрачное, как во многих местах Греции. А вот песок необыкновенный. Когда смотришь в воду, то можно подумать, что на дне колышутся мелкие чешуйки рыбы, блестящие перламутром. На берегу же золотой песок кажется перемешанным с крошками стекла. Мы рассматривали его, пропускали через свои пальцы и ладони. И эта детская беззаботность закончилась какими-то несерьёзными, но приятными поцелуями, дурачеством в тёплой солёной воде. Я совсем забыла, где я нахожусь, и не чувствовала в Михалисе чужого человека. Как не чувствовала и того, что может быть какое-то продолжение.

С другой стороны, мне не хотелось раствориться бесследно в предстоящем вечере, не взять из него хотя бы капельку нежности. Правда, я не понимала зачем. Чего мне не хватало? Я чётко осознавала, что муки совести мне не грозят, что я не буду раскаиваться в измене. Более того, где-то в голове само собой формировалось желание увидеть, что из всего этого получится.

И мы встретились с Михалисом в баре, где звуки музыки заглушали наши голоса, и чтобы сказать что-то, мы тянулись друг к другу, заставляя трепетать зажжённую на столе свечу.

Мохито постепенно кружил мне голову, и мир становился немного радужнее. Но мысль, что ничто не имеет смысла: ни этот вечер, ни остров, ни случайная встреча, ни жизнь вообще, всё-таки не отпускала. И мои попытки борьбы с подкатывающей депрессией оказались тщетными. Когда Михалис отошёл к барной стойке, я оставила на столе деньги и выскользнула в темноту.

Через пять минут я уже сидела на балкончике своего отеля и упивалась грустным одиночеством. Пришла мысль, что я намеренно испытываю отношения на прочность, сама же себя и проверяю. Хочется ли мне из этого вечера бежать в объятия Одиссея? Нет, не хотелось. Я боялась предсказуемости, и совместные планы на будущее вызывали у меня зевоту. С другой стороны, я пребывала в состоянии невероятной эмоциональной усталости и боялась, что для новой страсти уже не осталось ничего. Чтобы что-то произошло, необходимо было какое-то накопление, контрасты и, может быть, боль и потери. Мои попытки изменить мир искусственно не давали ровным счётом ничего – он был незыблем, и мои пути в нём предопределёнными.

Я наблюдала, как серое небо начало нехотя взбивать чёрные подушки-облака, потом несколько молний впились в чернильную воду бухты. Вот она, разрядка, несущая восторг обновления! Атмосфера тяжело ухала и в собственном упоении раскатывалась по вселенной. Ливень хлынул резко, без предупреждения, и лёгкая туника тут же облепила моё тело. Я убрала волосы со лба и какое-то время сидела так, подставив лицо упругим струям небесного душа. И вдруг мне стало легко и весело.

Я выбежала на пустую улицу, проскочила два квартала, повернула налево, огляделась. Всё правильно: по лестнице, на которой я днём собирала яблоки, теперь каскадами неслась вода. Я взяла сланцы в руки и стала подниматься всё выше и выше. Вдруг кто-то из темноты схватил меня за руку, резко дёрнул, и я оказалась за калиткой. Требовательный поцелуй закрыл мне рот, прежде чем я смогла вскрикнуть, крепкие руки держали мои локти прижатыми к стене.

– Гамото! – выругалась я по-гречески и с силой толкнула незнакомца в грудь, когда тот на мгновение ослабил свою хватку.

– Михалис?

В слабом свете спрятанного за деревьями фонаря я увидела его перекошенное злобой лицо:

– Никогда больше так не делай! Слышишь? Никогда!

По моему телу пробежала дрожь.

– Что?

– Никогда не убегай больше!

И тут Михалис положил мне руки на плечи и рассмеялся как ребёнок:

– Ну что, дурочка, испугалась? Бродишь тут по ночам под ливнем, дразнишь маньяков.

– Тоже мне шутник! – я отлепила тунику от тела, чтобы немного расправить складки. – Сейчас вот всё расскажу твоей бабушке!

– Какой ещё бабушке?

– Той, что живёт за этим забором, – махнула я головой в сторону соседнего дома. – Её ведь Захарула зовут, так?

– А! Понятно-понятно! Значит это о тебе она рассказывала сегодня. Понравилась ты ей!

– Она мне тоже! Бабушка-генерал!
– Ты откуда знаешь?
– Что?
– Мы, родственники, на самом деле называем её Генералом! Она у нас семейный предводитель.

– Какой-то мистический остров. Вроде бы идёшь вперёд, но, оказывается, просто делаешь круг.

– Пстой, пстой! Но бабушка сказала, что ты замужем!

– Я соврала.

– Зачем? И часто ты так?

– Часто. Мне нравится наблюдать, как ложь может влиять на ход вещей.

– Но на сей раз твоя ложь ни на что не повлияла, мы всё равно встретились!

– Но это тоже результат. Сделаю вывод.

– Можно я тебя поцелую?

– Ты уже поцеловал и не спрашивал.

– Я хотел тебя напугать. А сейчас...

Он прикоснулся к моему лицу мокрыми ладонями. Нежные губы со вкусом малины, ливень, струящийся между нами, заставили забыть обо всём.

В комнате было душно, но эта теплота окутывала, как уютный махровый халат. Михалис раздел меня, усадил на кровать, вытер полотенцем, завернул в простынь.

– Хочешь глоток виски?

– Нет, мне не холодно, – я подтянула колени к груди, обхватив их под простыней руками. – Скажи, как ты меня здесь выследил?

– Я? – Михалис повернул ко мне озорное лицо. – Я не следил. Я пришёл от бабушки, закрывал калитку. Вижу – кто-то гуляет под ливнем. Подождал. И схватил добычу!

– Как паук в паутину.

– Такой же противный?

– Паучки очень милые, ты присмотришься к ним. Я помню, в детстве был такой мультфильм про паучка, с тех пор я их обожаю.

– О! Это хоть какая-то надежда на взаимность.

Я проснулась от ощущения, что не помню, где нахожусь, но сознание прояснилось, как только открылись глаза. Через неплотно закрытые жалюзи уже струился солнечный свет, рисующий полосатые коврики на полу. Комната выглядела идеально, будто её скопировали с фото глянцевого журнала. Дорогая современная мебель цвета слоновой кости, несколько картин на стенах, чья подлинность не подвергалась сомнению, на журнальном столике – огромная фарфоровая ваза с красивыми белыми розами. Я провела руками по прохладному шёлку простыни, погладила подушку – всегда мечтала о таком белье.

«И сейчас будет кофе в постель», – подумала я и тут же почувствовала этот дурманящий запах греческого утра. Михалис вошёл без стука, держа поднос, осторожно приоткрыл дверь локтем:

– Проснулась, моя девочка?

Я сладко потянулась, села к изголовью, машинально поправила волосы, которые после дождя превратились в копну непослушных кудрей. Он дотронулся кончиками пальцев до моей щеки:

– Ты такая красивая утром... моя...

Я сделала вид, что не заметила это многообещающее «моя».

– Спасибо, это так приятно. Как же я люблю кофе! Ммм, у тебя вкусно получилось.

– Хочешь, буду готовить для тебя каждый день?

– И сколько «каждый день» продлится?
– Не понял?
– Ну, надолго ли хватит твоего желания?
– На срок моей любви.
– А он длинный? Короткий? К чему готовиться?
– Кто это может знать? Только Бог. Мне с тобой хорошо сейчас, этого достаточно. Тебе разве нет?

– Иногда кажется, что да, достаточно. Но я бегу вперёд. Ну ты это заметил. Я бегу. Или убегаю. И мне важно знать, что там, за следующим поворотом.

– И за следующим поворотом – твоё. Просто прими это как истину – твоё и ничьё больше. Другой вопрос – какой поворот ты выберешь.

– Вот видишь, как всё сложно.

– На самом деле ничего сложного, если просто жить.

– Плыть по течению?

– Зачем же? Даже рыбы плывут против течения, чтобы поймать побольше корма. Нужно довериться своим мечтам, желаниям, слушать, что хочет сердце, не конфликтовать с самим собой. Вот и всё.

– Скажи, ты чувствуешь себя свободным?

– Для греков свобода – это главное слово. И в нём сконцентрировано очень многое. В том числе и ответственность. Поэтому да, конечно, чувствую себя свободным. А ты?

– В полной мере – нет. Я пока не поняла, что мне мешает её обрести.

– Не думай об этом. Свобода внутри каждого человека, её не надо обретать. Придёт время, ты сама всё поймёшь и почувствуешь. Греция тебе поможет, – Михалис пододвинул мою чашку. – И пей кофе, остыл уже наверное... Сейчас поедим на пляж.

– Нюхать ёлки?

– Да, да, хорошая идея! Я люблю Кукунариес, но там у меня есть своя тайная бухточка и совсем маленький домик для двоих.

Был день, который отвоевал у жизни право на отдельное существование: без ориентиров и привязок, без планов и последствий, без начала и конца. Мы жили влюблённые в море, в солнце, друг в друга. Совсем немного, но вполне счастливо. Купались, загорали, смеялись, ели креветки в кафе, пили вино, фрапе, опять дурачились в воде, пока солнце не исчезло за горизонтом.

Перед отъездом я заполнила пустую бутылку блестящим песком, перемешанным с засохшими хвойными иголочками. Подумала, что серой холодной зимой приятно будет прикоснуться к тому, что хранит тепло солнца, шёпот волн и нашу тайну.

VI

Когда я вернулась, брат огорошил меня новостью:

– Одиссей будет работать в Афинах и забирает тебя с собой. Всё, приключения греческой Гэм подходят к концу!

Андрей весьма кстати напомнил мне о героине Ремарка, путешествующей по миру в поисках любви.

Но я любила и Афины. Я влюбилась в них несколько лет тому назад с первого взгляда: безоговорочно, безоглядно и, как мне казалось, навсегда. Но жить там с Одиссеем?

– Не переживай, будешь приезжать в гости, – успокаивал меня брат.

Да, он знал, что я соглашусь, что ради Афин я способна на многое. Мне даже казалось, что это – тоже знак, который нельзя игнорировать, что именно в Афинах я почувствую себя как дома, что наконец-то обрету вожаемую гармонию, перестану метаться, искать, мучиться в сомнениях.

– А газета? – вдруг спохватилась я.

– Вы её уже сверстали, отправили в типографию. Кто знает, будет второй номер или нет?

Он был прав. Никто не знал. Практически мы сработали по нулям – рекламных денег хватило только на печать, ни о какой зарплате речи не шло. Саша уже начал искать другие источники доходов, загадывать, не уехать ли ему на заработки в Бельгию, где уже давно жил его брат с семьёй. Тем временем конкуренты тоже не дремали и слишком прозрачно намекали, что без их покровительства нам не выжить.

Я себя успокаивала лишь тем, что вернуться всегда успею. Есть шанс – значит, надо им воспользоваться. Эта мысль меня утешила, и я начала собирать чемодан.

Афины встретили нас духотой раннего утра. Выйдя на балкон съёмной квартиры, я задохнулась от восторга – там, вдалеке, был виден Акрополь! Белые кубы домов лежали у его подножья, как гигантские подношения с другой планеты, накопленные веками. И только переместив взгляд вниз, я вернулась к реальности, к живой, пульсирующей за каждой стеной жизни, к стремительным потокам машин, автобусов, мотоциклов.

– Я погуляю? – спросила я Одиссея.

– Куда в такую-то рань?

– Потом будет жарко... Я ненадолго.

Я знала, что, блуждая по улицам, рано или поздно выйду к Акрополю. Почти заблудилась, забрела в какой-то проходной маленький дворик, открыла калитку. Первое, что я увидела – спящую на капоте машины кошку, а на заднем плане – блестящее тёмным стеклом суперсовременное здание, углом врезающееся в Парфенон. Кошка лениво подняла голову и нехотя ускользнула от объектива моего фотоаппарата. Я вышла на пешеходную улицу, заказала кофе и тянула удовольствие, глядя на залитые первыми лучами солнца белые колонны – тот самый магнит, который манил меня к себе ещё с детства. Достала из кармана свой талисман, маленькую сову-кукуваю: «Смотри и ты, моя верная спутница, впитывай в себя всю магию этого места, настраивайся на волну Афин».

В ранний час к Акрополю забрели лишь несколько туристов. Ещё никто не мешал друг другу, можно было побыть наедине с прошлым и даже перенестись в него, если хватит воображения. После каждого подъёма я оборачивалась, чтобы посмотреть на Афины, и находила их восхитительными на фоне голубого неба.

Мрамор перед Парфеноном блестел, как ледяная горка. Через пару часов солнце распалилось так, что захотелось сбежать в тенёк нескольких оливковых деревьев. Черный пёс в поисках прохлады вытянулся на мраморных плитах, игнорируя сотни ног перед самым носом.

Мальш, которого мама спустила с рук, исследовал местность самостоятельно, ползком. При этом пытался попробовать на вкус подвернувшиеся под руку мелкие камешки. Настоящий исследователь.

После десяти утра Акрополь напоминал муравейник: одна туристическая группа следовала за другой. Я бросила на Афины прощальный взгляд. Кто-то бросил себе под ноги смятую салфетку.

«Вот так по-разному происходит приобщение к прекрасному», – с осуждением подумала я.

Одиссей встретил меня на пороге со словами:

– Только что собирался тебе звонить. Надо срочно ехать в офис. Разбирайся тут, будь умницей! Магазин с продуктами есть внизу, если что.

Он быстро обнял меня за плечи, едва коснулся губами моих губ. Дверь захлопнулась.

Я опять вышла на балкон, представляя, какой красивый вид отсюда будет ночью. Потом устало опустилась в кресло и вспомнила те ночные Афины, которые жили в моём сердце так долго. Сколько лет прошло? Четыре? Пять? Мы с Христом гуляли на Монастыраки, завожённо смотрели на уличных артистов, шли дальше по узкой улочке. Из таверн приглашали поужинать. Но мы не останавливались, потому что знали, куда идём. Кажется, что знали.

Христос держал меня за руку, смотрел в глаза. Я больше догадывалась, чем понимала, что он говорит. Мне не хватало слов, я забыла даже то, что помнила.

– Успокойся, не волнуйся, всё хорошо! – голос Христа мягкий, нежный.

Но я видела, что он и сам не спокоен, курит одну сигарету за другой.

– Хорошо, мой учитель, я постараюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.